

18+

Михаил Журавлев

Дом на поляне

Михаил Журавлев

Дом на поляне

«Издательские решения»

Журавлев М.

Дом на поляне / М. Журавлев — «Издательские решения»,

В начале июня сорок первого года деревня Лужки, затерянная среди лесов и полей, жила своей обычной, размеренной жизнью. Утро выдалось ясным и тёплым, воздух был наполнен запахом свежескошенной травы и цветущей липы. На улице слышались звонкие голоса детей, которые, несмотря на ранний час, уже выбежали играть, и негромкий стук топора — кто-то из мужиков колот дрова на зиму.

© Журавлев М.

© Издательские решения

Содержание

Дом на поляне	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дом на поляне

Михаил Журавлев

© Михаил Журавлев, 2026

ISBN 978-5-0070-3150-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом на поляне

Глава 1

В начале июня сорок первого года деревня Лужки, затерянная среди лесов и полей, жила своей обычной, размеренной жизнью. Утро выдалось ясным и тёплым, воздух был наполнен запахом свежескошенной травы и цветущей липы. На улице слышались звонкие голоса детей, которые, несмотря на ранний час, уже выбежали играть, и негромкий стук топора — кто-то из мужиков колол дрова на зиму. Женщины хлопотали по хозяйству: кто-то доил корову, кто-то полоскал бельё в речке, а кто-то уже хлопотал у печи, готовя завтрак для семьи. Всё вокруг дышало покоем и уверенностью в завтрашнем дне, и казалось, что так будет всегда.

В центре деревни, у колодца, собралась небольшая группа женщин. Они неторопливо переговаривались, обмениваясь последними новостями и сплетнями. Здесь была и Мария Петровна, вдова погибшего в финскую войну солдата, и молодая учительница Анна Сергеевна, недавно приехавшая из города, и бойкая Варвара, жена председателя колхоза. Их разговоры были просты и понятны: о детях, о хозяйстве, о том, что председатель обещал привезти новые учебники для школы. Никто из них не мог и подумать, что совсем скоро привычный уклад жизни будет разрушен, а их заботы покажутся мелкими и незначительными.

В это же время на краю деревни, у старого амбара, сидели старики. Они курили самокрутки и вели неспешную беседу о жизни, о погоде и о том, что урожай в этом году обещает быть хорошим. Один из них, дед Матвей, вспоминал молодость и рассказывал о том, как сам когда-то воевал в Гражданскую. Его слушали с уважением: слова стариков были для деревенских людей непреложной истиной. Никто не перебивал, не спорил — все знали: если дед Матвей говорит, значит, так оно и есть.

Дети же были заняты своими делами. Они бегали босиком по пыльной дороге, играли в лапту и прятки, смеялись и кричали так громко, что их голоса разносились по всей деревне. Для них мир был прост и понятен: есть мама с папой, есть дом, есть друзья и игры. Война казалась им чем-то далёким и нереальным, о чём иногда говорили взрослые шёпотом или с тревогой смотрели на радиоприёмник.

Но даже в этой идиллии уже чувствовалось едва уловимое напряжение. По вечерам мужчины собирались у сельсовета, обсуждали новости из газет, которые приходили с опозданием. Иногда кто-то из них возвращался с собрания хмурым и молчаливым, а потом долго сидел на крыльце своего дома, глядя в темноту. Женщины замечали это беспокойство, но старались не подавать виду: главное — чтобы дома был мир и покой.

Так прошёл ещё один день в Лужках — тихий, солнечный, наполненный простыми человеческими радостями и заботами. Никто не знал, что через несколько недель эта жизнь оборвётся, а деревня станет прифронтовой полосой. Но пока ещё звучал детский смех, пахло свежим хлебом из печей, и казалось, что мир будет длиться вечно...

Глава 2

В то утро, когда солнце только-только начало подниматься над лесом, а в домах ещё не погасли последние огни, в Лужках раздался непривычный, тревожный гул. Он шёл не с неба, не от ветра — этот звук рождался где-то за околицей, в глубине просёлочной дороги, и с каждой минутой становился всё громче, всё ближе. Люди замерли, прислушиваясь: кто-то выглянул в окно, кто-то вышел на крыльцо, придерживая накинутаю на плечи шаль. Даже дети, обычно шумные и неугомонные, притихли, настороженно глядя на взрослых.

Из-за поворота вынырнула первая машина — полупортка, покрытая густым слоем пыли. За ней — ещё одна, и ещё. Колонна шла медленно, натужно ревя моторами. В кузовах сидели солдаты. Их лица были усталыми, серыми от пыли и бессонницы, а форма местами порвана и испачкана. Но самое страшное было не это: в кузовах лежали раненые. Кто-то был перевязан грязными бинтами, кто-то лежал молча, закрыв глаза, а кто-то тихо стонал, покачиваясь в такт движению машины.

Деревня словно оцепенела. Женщины, только что хлопотавшие у калиток, замерли с ведрами в руках. Старики медленно сняли шапки, крестясь дрожащими руками. Председатель колхоза, вышедший навстречу колонне, побледнел и сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Он понимал: это не учения. Это — война.

Машины остановились у сельсовета. Из кабины первой полупортки спрыгнул молодой лейтенант с перевязанной головой. Он огляделся вокруг затуманенным взглядом и хрипло крикнул: — Товарищи! Нужна помощь! Раненых разместить... Воды! Хоть что-нибудь!

И тут оцепенение спало. Словно прорвало плотину: женщины бросились к машинам, кто-то побежал домой за простынями и чистой водой, кто-то — к фельдшеру, если тот был в деревне. Мужчины помогали осторожно снимать раненых с кузовов, несли их в тень, укладывали на траву или на принесённые из домов лавки. Воздух наполнился стонами, запахом крови и карболки.

Мария Петровна, забыв о собственных страхах, уже распоряжалась женщинами: кому — кипятить воду, кому — рвать простыни на бинты. Она сама обтирала лица раненых влажной тряпкой, поила их из кружки, шептала какие-то успокаивающие слова. Молодая учительница Анна Сергеевна стояла рядом с лейтенантом, пытаясь разобрать его сбивчивый рассказ: откуда они идут, где сейчас немцы, есть ли надежда удержать фронт.

Но среди этой суеты и всеобщего порыва помочь вдруг раздался детский плач. Маленькая девочка лет пяти стояла у дороги и смотрела на одного из солдат. Он лежал на траве совсем тихо, и его глаза были широко открыты и неподвижны. Девочка подошла ближе и осторожно тронула его за рукав: — Дядя... Дядя солдат... Ты спишь?

И в этот момент мир для жителей Лужков окончательно перевернулся. Война перестала быть далёким словом из газетных сводок или тревожным шёпотом у колодца. Она пришла в их деревню не грохотом орудий и разрывами снарядов, а тихим стоном раненого и мёртвым взглядом солдата на зелёной траве у их дома. И теперь уже никто не мог делать вид, что жизнь останется прежней.

Глава 3

К вечеру, когда сумерки уже начали сгущаться над лесом, а в домах зажглись первые керосиновые лампы, в Лужках установилась тяжёлая, гнетущая тишина. Раненых разместили в сельсовете и школе, женщины по очереди дежурили у их постелей, а мужчины молча курили на завалинках, глядя в темноту. Казалось, что самое страшное уже позади, что теперь деревня будет жить ожиданием вестей с фронта и заботой о тех, кого война выбросила на обочину.

Но около полуночи тишину разорвал новый звук. Это был не гул моторов и не далёкая канонада. Это был тихий, но настойчивый стук в окно дома председателя колхоза. Степан Ильич, который так и не смог уснуть, вздрогнул и поднялся с лавки. Сердце его сжалось от недоброго предчувствия. Он осторожно подошёл к окну и отодвинул занавеску. На крыльце стоял человек в длинной, промокшей от росы шинели без знаков различия. Его лицо было скрыто тенью от козырька фуражки.

— Кто там? — хрипло спросил председатель, не спеша открывать дверь.

— Свои... Открой, Ильич. Дело срочное. — голос был знакомым, но Степан Ильич никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

Он щёлкнул засовом и приоткрыл дверь. В дом шагнул незнакомец, и только когда он оказался в полосе света от лампы, председатель узнал его. Это был Николай Савельев, бывший председатель соседнего колхоза, которого все считали пропавшим без вести ещё в первые дни войны.

— Коля? Живой? — выдохнул Степан Ильич, не веря своим глазам.

Савельев молча кивнул и тяжело опустился на табурет. Он выглядел измождённым, заросшим щетиной, но глаза его горели лихорадочным огнём.

— Не до разговоров сейчас, Степан. Я не один. — он кивнул в сторону окна. — Там мои люди. Двадцать человек. Все из нашего района. Мы из окружения вышли.

Председатель замер. Слова гостя прозвучали как гром среди ясного неба.

— Немцы? — одними губами спросил он.

— В пяти километрах отсюда. Идут по большаку. К утру будут здесь. — Савельев говорил быстро, отрывисто. — Нам нужно укрыться, переждать. Потом уйдём к партизанам в леса.

В этот момент председатель понял, что война пришла в Лужки не только с ранеными на машинах. Она пришла с этой ночной тишиной, с этим стуком в окно и с группой вооружённых людей, которые теперь прятались в овраге за околицей.

Всю ночь деревня не спала, но уже по другой причине. Мужчины, не задавая лишних вопросов, разбирали спрятанное ещё с Гражданской войны оружие. Женщины собирали еду в узлы. Никто не паниковал, не плакал — все действовали слаженно и молча, словно давно готовились к этому часу.

К рассвету Лужки опустели. В домах остались только старики и дети, а все взрослые ушли в лес вслед за Савельевым и его отрядом. Они уносили с собой не только винтовки и хлеб, но и тяжёлое знание: теперь их дом — это уже не просто деревня. Это рубеж.

Когда первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев, на краю леса стояла цепочка людей. Они смотрели на свои дома, на дымящиеся трубы, на мирную картину просыпающейся деревни — и понимали, что сегодня им предстоит стать её щитом.

А где-то далеко, за полем, уже слышался ровный, механический гул чужой техники.

Глава 4

Утро выдалось туманным и холодным. Лес, ставший для жителей Лужков укрытием, казался непривычно тихим. Мужчины и женщины, расположившись под раскидистыми елями, молча жевали хлеб, запивая его водой из фляжек. Все ждали. Гул вражеской техники, который вчера вечером доносился с большака, стих, и эта тишина давила на плечи сильнее любого грохота.

Внезапно со стороны деревни послышался звук, от которого у всех замерло сердце. Это был не рёв моторов и не треск пулёмётных очередей. Это был плач. Тонкий, детский плач, который эхом разносился по лесу.

Все взгляды устремились на Николая Савельева. Он нахмурился и приложил палец к губам, призывая к тишине. Несколько минут отряд вслушивался в этот звук, полный отчаяния и одиночества. Плач не стихал. Он был слишком близко к опушке.

— Это Маша... дочка Петровны, — прошептала Анна Сергеевна, побледнев как полотно. — Она осталась в деревне. Я забыла...

Савельев резко обернулся к ней. В его глазах читалась тяжёлая борьба. Уходить вглубь леса сейчас, когда враг может быть совсем рядом, — значит обречь деревню на верную гибель. Но и оставаться на месте — рисковать всем отрядом ради одного ребёнка.

— Я пойду, — твёрдо сказал Степан Ильич, поднимаясь на ноги. Он снял с плеча винтовку и передал её стоявшему рядом парню. — Я знаю каждый куст в этих местах. Меня не заметят.

Савельев хотел было возразить, но посмотрел в глаза председателю и понял: спорить бесполезно. Он лишь молча кивнул и жестом приказал остальным оставаться на местах.

Степан Ильич двигался короткими перебежками, пригибаясь к земле. Туман скрывал его фигуру, но каждый шорох казался оглушительным. Он добрался до околицы и замер, прижавшись к стене старого сарая. Деревня была пуста. Двери домов распахнуты, во дворах валялись разбросанные вещи — следы поспешного бегства.

Плач доносился из дома Марии Петровны. Председатель осторожно заглянул в окно. Девочка сидела на полу посреди комнаты, обхватив тряпичную куклу, и тихо всхлипывала.

Он бесшумно открыл дверь и шагнул внутрь. — Маша... Тихо, маленькая. Это я, дядя Степан.

Девочка подняла на него заплаканные глаза и бросилась к нему на шею. — Где мама? Почему все ушли? Мне страшно...

Он прижал её к себе, чувствуя, как маленькое сердечко колотится от страха. — Мама скоро придёт. А сейчас нам нужно идти к ней.

Он завернул девочку в старый платок, лежавший на лавке, и уже собирался выйти, как вдруг его взгляд упал на стол. Там, среди разбросанных ложек и разбитой чашки, лежал небольшой свёрток из холщовой ткани. Внутри оказались документы — списки колхозников, ведомости на хлеб, а главное — большая карта района с пометками красным карандашом.

В этот момент за окном раздался резкий окрик на чужом языке. Степан Ильич замер. Он осторожно выглянул в щель между ставнями. По улице шли солдаты в серо-зелёной форме. Они не спешили, осматривали дома, переговаривались между собой.

Председатель понял всё сразу. Это была не просто разведка. Немцы искали именно это — документы. Они знали, что председатель не успел уйти со всеми.

Он прижал к себе девочку ещё крепче и бесшумно отступил в тёмный угол за печью. Теперь их было двое — старик и ребёнок — против целого отряда врага в пустой деревне. И путь к лесу был отрезан.

Глава 5

Тишина в доме стала почти осязаемой. Степан Ильич чувствовал, как сердце девочки, прижавшейся к его груди, бьётся всё быстрее. Он осторожно прикрыл ей рот ладонью, хотя она и так сидела, не издавая ни звука, только испуганно глядя на деда широко раскрытыми глазами. За тонкой стеной слышались тяжёлые, уверенные шаги. Немцы вошли во двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.